

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ *

В настоящем томе произведения помещаются в хронологической последовательности. Произведения, направленные из Сибири одновременно с письмом к жене от 12 января 1871 года, располагаются в том порядке, в каком они перечислены в приложенном Н. Г. Чернышевским к письму «Списке бумагам». В конце тома, в приложении, даны наиболее крупные и значительные отрывки, не вошедшие в окончательный текст напечатанных произведений, и уцелевшие фрагменты неизвестных нам утерянных произведений.

Авторские рукописи, по которым печатаются произведения, входящие в настоящий том, имеют значительные особенности в правописании. Чернышевский пишет: прийду, сватьба, цаловать и пр. Все наречия, начинающиеся с предлогов, у Чернышевского пишутся в два слова через дефис: в-дали, с-верху, за-проста, в-вдвоем, с-высока, по-пусту и т. п. «Моя орфография, — писал Чернышевский М. Стасюлевичу, — кое в чем, быть может, отличается от принятой «Вестником Европы». Не знею хророшенько, так ли это. Я не обращаю внимания на такой вздор, читая книги. Но если так, то не может же журнал менять орфографию по статьям. Само собою разумеется, для меня всякая моя ли, чужая ли орфография — совершенно все равно. Важны лишь, в некоторых конструкциях фраз, знаки препинания, потому что ими оттеняются тот или другой колорит смысла фразы. Я отмечаю на полях рукописи, где своеобразность моих знаков препинаний — не недосмотр мой или ошибка моя, а действительное пособие для правильной колоризации произношения, то есть характера фразы». Из рукописи «Академия Лазурных гор» Чернышевский приводит примеры своеобразного употребления знаков препинания: «Кругом, шли живые разговоры».

В рукописях других произведений авторских замечаний, комментирующих знаки препинания, не имеется. Однако интонационный характер пунктуации сохраняется: «За обедом, доклад будет подписан»... «Теперь, Петр Степанович прочел объяснение загадки»... (примеры из «Пролога»). В настоящем издании сохраняются особенности пунктуации автографа, но текст печатается по новой орфографии.

ПРОЛОГ

Текст романа имеется в двух рукописях:

1. Автограф, хранящийся в Центральном государственном литературном архиве (№ 989). Рукопись содержит в себе 57 листов большого почтового формата, из коих «Пролог пролога» занимает лл. 1—34 и «Дневник Левицкого» — лл. 35—57. Текст занимает сплошь обе стороны листов, написан всюду рукою Н. Г. Чернышевского очень убористым мелким почерком с поправками внутри строк и на полях. Верх первого листа, где было написано заглавие и начало романа, отрезан. Имеющийся текст начинается словами:

* Составлены А. П. Скафтымовым.

«Твоя правда, голубочка, — вяло согласился муж». Текст, который находится на обратной стороне отрезка, от слов: «Не велико затруднение» до слов: «так он за молодыми знакомыми», также отсутствует. Рукопись обрывается в конце первой страницы 57-го листа на точке с запятой, поставленной за словами: «пусть, это правда». Вторая (оборотная) сторона 57-го листа остается совершенно свободной (единственное неисписанное место из всех 57 листов). Видимо, здесь Чернышевский приостановил работу.

Эта рукопись была отправлена Чернышевским из Сибири в Петербург, частью путем, «с оказией», при письме к жене от 12 января 1871 года в общей «пачке» произведений, перечисленных самим Чернышевским в особо приложенном «списке» и до 1906 года находившихся в бумагах А. Н. Пыпина.

Впервые по автографу «Пролог» был напечатан М. Н. Чернышевским в Полном собрании сочинений Н. Г. Чернышевского, т. X, СПб. 1906. Тогда же особым оттиском из собрания сочинений «Пролог» вышел отдельной книгой. В 1909 году был повторен выпуск такого же оттиска. Новое издание романа по авторской рукописи появилось в «Избранных сочинениях Н. Г. Чернышевского», т. V, Гиз, М.—Л. 1932.

Для отдельного издания романа 1936 года (изд. «Academia») текст вторично сверен с авторской рукописью. В этом издании в вариантах отмечены все имеющиеся в рукописи авторские поправки и зачеркнутые места. Указаны также и разночтения сравнительно с копией М. Д. Муравского (см. ниже), по которой печатались лондонское и другие заграничные издания романа, и отличия от автографа, какие вкрались в издание М. Н. Чернышевского.

2. Рукопись-копия, хранящаяся там же (инв. № 1793), содержит лишь текст «Пролог пролога», написанный на 64 листах большого формата тремя разными переменяющимися почерками. Копия снималась, главным образом, М. Д. Муравским, находившимся на Александровском заводе в ссылке одновременно с Чернышевским. М. Д. Муравский, вернувшись в Россию, передал список романа Гл. Успенскому. От Гл. Успенского эта копия была получена Германом Лопатиным, передавшим рукопись П. А. Лаврову. По этой копии «Пролог пролога» впервые издан П. А. Лавровым в Лондоне в 1877 году без обозначения имени автора (Пролог. Роман из начала шестидесятых годов. Ч. 1-я. Пролог пролога. «Вперед». Лондон. 1877).

На первом листе рукописи приклеена полоска бумаги, на которой написано: «Рукопись, с которой набирался «Пролог» в Лондоне». Подписи нет. Почерк неизвестный. О том, что с этой рукописи действительно происходило печатание романа, свидетельствуют также имеющиеся на ней типографские пометки. Внешний вид рукописи говорит о том, что она, до отправления ее в типографию, находилась на руках многочисленных читателей: затертые страницы, потрепавшиеся и изорванные края и пр. Потрепанность некоторых листов, очевидно, была столь велика, что редактору П. А. Лаврову пришлось по краям делать наклейки новой бумаги и восстанавливать отпавшие начертания слов. Здесь, в этих восстановленных надписях, легко узнается почерк П. А. Лаврова. Им же подписывались внутри рукописи имена и фамилии персонажей романа в тех случаях, когда они обозначены автором только инициалами. Разночтения этой копии сравнительно с автографом указаны в разделе вариантов в отдельном издании романа 1936 года (изд. «Academia»).

В настоящем издании роман печатается по автографу с восполнением отрезанного текста (на первом листе) по копии М. Д. Муравского.

Имена и фамилии персонажей в авторской рукописи иногда обозначаются лишь инициалами. Все сокращения подобного рода в печатном тексте заменяются полными начертаниями.

В автографе иногда одни и те же лица названы разными именами. Так Илатонцев в первой части романа назван Николаем Андреевичем или Петровичем, во второй же части Виктором Львовичем или Борисовичем. Дочь Илатонцева в первой части романа называется Надеждой Николаевной, а во

второй части Надеждой Викторовной. Тенищева называется Алиной Константиновной или Александровной.

Подобные изменения в именах явились результатом авторского недосмотра. В настоящем издании даны одинаковые обозначения имен, с выбором того имени, которое для данного лица автором употребляется наиболее постоянно. Для Илатонцева взято обозначение Виктор Львович, так как Николаем Андреевичем или Петровичем он назван несколько раз лишь в первой части романа, где он является лицом только эпизодическим. У дочери его оставлено всюду имя Надежды Викторовны. По тому же принципу за Тенищевой оставлено имя Алины Константиновны.

Заметим также, что в рукописи при названиях действующих лиц по отчеству Чернышевский часто пользуется формой произношения, принятой в просторечии: вместо Алексеевич пишет Алексеич, вместо Данилович пишет Данилыч и т. д. В тех случаях, где Чернышевский при полном написании отчества дает его в сокращенной форме, форма сохраняется, и тогда мы восстанавливаем имя согласно инициалам.

«Пролог пролога» и «Дневник Левицкого» являются лишь частями задуманного Чернышевским большого цикла произведений с общей автобиографической тематикой («Старина», «Пролог», «Чтения в Белом зале»). Писался этот цикл в Александровском заводе (1867—1871). Отдельные части из написанного и задуманного произведения Чернышевский рассказывал своим товарищам по ссылке. Сведения об этих рассказах остались в воспоминаниях С. Г. Стахевича («Среди политических преступников. Н. Г. Чернышевский», Сб. «Н. Г. Чернышевский», изд. О-ва политкаторжан, М. 1928, стр. 67—74), В. Н. Шаганова («Н. Г. Чернышевский на каторге и в ссылке», СПб. 1907, стр. 15—25), П. Николаева («Личные воспоминания о пребывании Н. Г. Чернышевского в каторге», М. 1906, стр. 38—47). См. также комментарии к произведению «Потомок Барбаруссы».

«Старина», «Пролог» и «Чтения в Белом зале», являясь звеньями одной цепи, должны были сохранять внутреннюю целостность. Каждая из частей этого общего цикла могла восприниматься как отдельное произведение. «Начинается самостоятельно, — писал Чернышевский о «Прологе пролога», — все понятно и не читавшему «Старины» (Полное собр. соч., 1901, т. X, стр. 29). При этом «Пролог пролога» Чернышевский считал произведением, творчески более законченным, чем «Дневник Левицкого». Посылая рукопись «Пролога», Чернышевский предназначал ее для печати, между тем как «Дневник Левицкого» подлежал дальнейшим изменениям. «Дневник Левицкого», — писал Чернышевский, — начало второй части «Пролога», брошенное мною. Может быть, годятся для печати эпизоды об Аннушке и о Настеньке, в виде отрывков. То, что относится к Илатонцевой и к Мери, посылаю только для прочтения и сбережения». (Там же, стр. 29).

Первоначально Чернышевский, чтобы избежать цензуры, предполагал печатать роман за границей, на французском или английском языке, и лишь потом счел возможным, при условии некоторых переделок, издать его в России: «Прошу напечатать, сколько возможно по цензурным условиям. Если успеет хоть половина, и то хорошо. Я писал с мыслью издать во французском или английском переводе. В русском издании надо выбросить все, что относится до литературных занятий Волгина, и вставить, где понадобится по две, по три фразы, в которых объяснялось бы, что он был адвокат при коммерческом суде (эти адвокаты были уже и в те времена)». (Там же, стр. 29.)

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ДЕВУШКИ

Печатается по авторской рукописи, хранящейся в Центральном государственном литературном архиве (№ 993). Рукопись состоит из 24 листов малого почтового формата. На первом листе по углам рукописи отмечены сокращения имен и фамилий героев повести.

Впервые напечатана под заглавием «Тихий голос» в Полном собрании сочинений Н. Г. Чернышевского, т. X, СПб. 1906.

В «Списке бумагам», посланным 12 января 1871 года, об этой повести Чернышевским сказано следующее: «История одной девушки». Карандашом обозначено, что должно вычеркнуть. Повесть остается будто недописана. Но это лучше для внушения морали, которая понятна и без вычеркнутого».

Зачеркнутые места, ввиду их значительного объема, воспроизводятся в приложении.

ДРАМА БЕЗ РАЗВЯЗКИ

Печатается по авторской рукописи, хранящейся в Центральном государственном литературном архиве (№ 1004). Рукопись состоит из 25 листов почтового малого формата. В начале рукописи первое название пьесы — «Другим нельзя» — перечеркнуто. Оставлено лишь второе название, которое раньше было в подзаголовке: «Драма без развязки, итранная на домашнем театре М. А. Б-ой». Это заглавие — «Драма без развязки» — подтверждено письмом Чернышевского, которое цитируется ниже. Заглавие «Другим нельзя» могло получить оправдание только в последующем продолжении пьесы. В конце последней страницы рукописи зачеркнуты строки, свидетельствующие, что пьеса имела продолжение. После слов Елены Михайловны и ремарки («Идет. За нею Горбылев») написано, потом зачеркнуто: «Короваев один. Постом Парадизов, одетый не бедно. Короваев, как остается один, закрывает лицо руками, подавляя вырывающийся у него стон. Поднимает голову от рук и опрокидывается на спинку дивана, — или стола, или стула, или какая есть мебель, — вздыхая с тяжелым: о-о-х! — прикладывает руку ко лбу. Сидит так. Встает. Ходит с опущенною головою».

На этих словах заканчивается последняя страница рукописи. Вместо зачеркнутого на полях написано: «Хозяйка театра встает в своей ложе и говорит: «Идем пить чай. Вторую половину драмы мы увидим завтра».

Пьеса под заглавием «Другим нельзя» была впервые напечатана в Полном собрании сочинений Н. Г. Чернышевского, т. X, СПб. 1906.

ПОТОМОК БАРБАРУССЫ

Печатается по авторской рукописи, хранящейся в Центральном государственном литературном архиве. Рукопись беловая, состоит из 6 листов большого почтового формата (№ 1023).

Впервые напечатано в Полном собрании сочинений Н. Г. Чернышевского, т. X, СПб. 1906.

Рассказ принадлежит к циклу «Книги Эрато» (см. примечания к пьесе «Драма без развязки»).

ВЕЛИКОДУШНЫЙ МУЖ

Печатается по авторской рукописи, хранящейся в Центральном государственном литературном архиве (№ 1006). Рукопись состоит из 9 листов большого почтового формата (18 страниц). Нумерация листов дана рукою Чернышевского (1—7 и 1—2). Рукопись черновая, с поправками и замечаниями по тексту и на полях.

Впервые напечатано в Полном собрании сочинений Н. Г. Чернышевского, т. X, СПб. 1906.

Первоначально начало комедии имело иную (потом зачеркнутую) редакцию; см. приложение.

Со слов Кайданова: «...или будете уговаривать...» до слов Полянского:

«До свиданья (встает, громко) Прохор Маркелыч...» было зачеркнуто, потом восстановлено. Против этого места рукою Чернышевского написано: «Видел я, что у вас, Николай Васильич, слишком много страха, чтобы не вышло опять шесть листов вместо одного. Думал, думал и решил: «Ну, бог вам судья, пусть останется без вступительной сцены между вами и Максим Николаевичем. А главное, устал и ленюсь. Пусть же останется, как там написано начало. Восстановите вычеркнутые нами в разговоре Полянского с Кайдановым о Пафнутьевых».

Начиная с 13-го явления Праведнов в рукописи именуется Пафнутьевым.

МАСТЕРИЦА ВАРИТЬ КАШУ

Печатается по авторской рукописи, находящейся в Центральном государственном литературном архиве (№ 1005). Рукопись на 32 листах; листы 1, 25—32 писаны чернилами, листы 2—24 писаны карандашом. Внешний вид рукописи носит следы большого употребления; листы 30—32 надорваны.

На первой странице рукописи последовательно перечеркнуты следующие названия пьесы: «Размазня и кашевар»; «Тише едешь, дальше будешь. Пастораль в трех действиях»; «Тише едешь, дальше будешь, или кто тут варит кашу?»; «Варение каши, пастораль в одном действии, с прибавлением драмы — Плоды народной мудрости, также пастораль в одном действии, с прекрасною песнью рыбака»; «Варение каши, пастораль в одном действии, с прибавлением драмы также в одном действии — Тише едешь, дальше будешь или Плоды народной мудрости с преподаванием всех полезных наук»; «Мастерица варить кашу. Жених из Америки. Пастораль в одном действии».

В явлении 12-м, после слов Иннокентьева: «Альбом рисунков Агнесы Ростиславовны. Вот я вам покажу» — в рукописи следует зачеркнутое, см. приложение.

В явлении 18-м, после слов Агнесы Ростиславовны: «...*(томно)*. Устала» — в рукописи следует зачеркнутое, см. приложение.

Шесть последних листов рукописи, после слов Городищева: «Конечно, Агнеса» — имеют особую пагинацию; на полях первого листа рукою Чернышевского написано: «Вот так-то всегда выходит у людей с истинно великою душою: думал наградить вас одним листком, а награждаю целыми шестью. Пойте же:

Радость наша велика,
Благотворная рука
Наградила нас

(и прибавляет прозою) выше заслуг наших — это выражение вы займете у Румянцева».

Впервые пьеса была напечатана в Полном собрании сочинений Н. Г. Чернышевского, т. X, СПб. 1906.

АКАДЕМИЯ ЛАЗУРНЫХ ГОР

Текст «Академии Лазурных гор» имеется в двух автографах. Первый по времени был послан Н. Г. Чернышевским А. Н. Пыпину из Вилюйска при письме от 3 мая 1875 года через якутского губернатора. До адресата эта посылка не дошла. Письмо было задержано в III отделении и впервые было опубликовано в «Литературном наследии» Н. Г. Чернышевского, т. 2, М.—Л. 1928.

Второй авторский текст «Академии Лазурных гор» был послан Н. Г. Чернышевским А. Н. Пыпину из Вилюйска при письме от 10 июня 1875 года. Этот текст был найден М. Н. Чернышевским в бумагах А. Н. Пы-

пина и напечатан в Полном собрании сочинений Н. Г. Чернышевского, том X, стр. 13—25. Получение Пыпиным «Академии Лазурных гор» М. Н. Чернышевским было ошибочно приурочено к 1870 году.

При бумагах Н. Г. Чернышевского находились его письма, адресованные к А. Н. Пыпину (от 29 апреля 1870 года) и М. М. Стасюлевичу (без даты), где Чернышевский писал о своих произведениях, которые он посылал или которые имел в виду послать из Сибири для печати. На письме Н. Г. Чернышевского к А. Н. Пыпину была сделана рукою А. Н. Пыпина пометка: «Получено в июле 1870 года». М. Н. Чернышевский считал, что вся нашедшаяся у Пыпина пачка сибирской беллетристики Н. Г. Чернышевского была им прислана при этом письме к А. Н. Пыпину вместе с недатированным письмом к М. М. Стасюлевичу.

Впоследствии, после опубликования писем Н. Г. Чернышевского из Сибири (в свое время задержанных III отделением), стало ясно, что собравшаяся у А. Н. Пыпина пачка бумаг Н. Г. Чернышевского состояла из посылок разного времени. В частности выяснилось, что тот автограф, по которому «Академия Лазурных гор» была напечатана М. Н. Чернышевским в X томе Полного собрания сочинений 1906 г., был послан Н. Г. Чернышевским из Вилуйска А. Н. Пыпину при письме от 10 июня 1875 г. Об этом свидетельствует полное совпадение внешнего вида рукописи с тем, что о ней говорится в этом письме. Н. Г. Чернышевский здесь пишет: «Посылаю тебе первые семь листов белой рукописи моего громадного комплекта рассказов и разговоров «Академия Лазурных гор», и листок заметок о них, для тебя и для типографии». Автограф, каким располагал М. Н. Чернышевский, состоит как раз из семи листов белой рукописи почтового малого формата и одного (восьмого) листа заметок, озаглавленных автором «Для облегчения правильности набора и корректуры».

В настоящем издании текст «Академии Лазурных гор» воспроизводится по белой авторской рукописи Центрального государственного литературного архива (№ 1002). Часть приложения, озаглавленная: «Для облегчения правильности набора и корректуры», воспроизведена здесь:

«...Транскрипция английских имен у меня, быть может, тоже, не сходится с правилами транскрипции «Вестника Европы». Да я и не умею выговаривать правильно ни одного английского слова. Я знаю англ. язык насколько лишь существует он для зрения, в виде печатных страниц. Выговора слов я не знаю, в большей части слов. А собственно английский способ выговора звуков, и вовсе неизвестен мне.

Следовательно, мою транскрипцию английских имен, невозможно руководиться при чтении корректуры. И я помещаю здесь английские формы имен рядом с моею транскрипцией, чтоб она могла быть исправлена, если она несходна с транскрипцией «Вестника Европы».

Заметка для тебя, мой милый Сашенька, и для Стасюлевича.

Заглавие первого рассказа:

«Обед в Кристальном Дворце».

Натурально, я не знаю, можно ли вообще обедать в самом Кристальном Дворце, или там только можно иметь чашку чаю, рюмку вина, а обедать уходить в примыкающие к нему гостиные.

Но — я умею помнить, в чем состоят бесчисленные пробелы моего знания по каждому обыденному делу. И, я всегда выставляю вперед обстоятельства, при которых необходимо правилен мой рассказ о ходе дела. Так, например, и по этому делу об обеде.

Этот обед — желание нескольких дам из самой высокой аристократии. По просьбе мужа одной из них, от имени всех их, — распорядители Кристального Дворца с удовольствием устраивают, разумеется, великолепнейший импровизированный обеденный зал во Дворце, — зал исключительно для этого обеда».

ОТБЛЕСКИ СИЯНИЯ

Печатается по авторской рукописи, хранящейся в Центральном государственном литературном архиве (№ 992).

Рукопись состоит из листов малого почтового формата, распределенных на четыре группы. Первая группа содержит в себе 29 листов (58 страниц); здесь помещено письмо Чернышевского к А. И. Пыпину и текст первой части романа. Листы перенумерованы карандашом рукою самого Чернышевского. Последняя страница первой части показана цифрой 58, а первая страница второй части занумерована цифрой 69. Очевидно, существовало еще 11 страниц первой части. Вторая группа содержит в себе 20 таких же листов. Здесь помещен текст второй части романа. Текст в конце тоже прерывается на полуживо. По всей рукописи, и в тексте и на полях, имеется много вставок и исправлений.

Когда был написан роман, об этом точных данных не имеется. Даты нет ни в препроводительном письме к А. Н. Пыпину, ни на рукописи романа. По сличению бумаги, на которой написан роман, и бумаги, на которой писались Чернышевским из Сибири письма к жене и детям, можно предполагать, что роман писался в 1882 году, во всяком случае, не раньше второй половины 1879 года. Только с этого времени имеются письма, написанные на бумаге, тождественной с бумагой рукописи «Отблесков». Письма 1882 года почти все сплошь писались на такой бумаге.

В 1916 году рукопись «Отблесков сияния» поступила в Рукописное отделение Академии наук от действительного члена Якутского отдела Русского географического общества и члена якутского суда Дмитрия Ивановича Меликова. В препроводительной бумаге в Академию наук Д. И. Меликов сообщал, что рукопись была ему прислана от самого Н. Г. Чернышевского «в мае 1884 года с посторонним лицом». Эту версию передачи рукописи оспаривал М. Н. Чернышевский, однако документальные материалы свидетельствуют в пользу правильности сообщений Д. И. Меликова. (См. об этом подробнее в статье об «Отблесках сияния» в сборнике «Н. Г. Чернышевский», Саратов. 1928, стр. 245—247.)

Как и другие произведения Чернышевского, роман «Отблески сияния» является произведением незаконченным. Чернышевский считал его лишь началом нового большого цикла. Направляя роман А. Н. Пыпину, Чернышевский писал: «Продолжение будет через два, три месяца. Это громадный роман, этот «Отдел второй, общий заказ», и он лишь действительно заказ, в котором сделаны легкие очерки главных контуров тем, которым счет — десятки и десятки, и которые — или повести, или сказки (волшебные или просто фантастические) и целые романы. Это будет «Отдел третий. Фантазии».

Написанную часть романа Чернышевский считал достаточной, чтобы возбудить интерес и иметь большой успех, и он советовал эту рукопись «напечатать не дожидаясь продолжения». «Если нельзя печатать по-русски, то надобно перевести на английский и французский (на оба лучше) и напечатать в Лондоне и в Париже — роман имеет настолько достоинства, что это даст деньги». При печатании Чернышевский просил полного сохранения тайны: «Здесь абсолютная тайна... Псевдоним для подписи — какой угодно. Об этом вымышленном авторе можно напечатать в примечании к печатаемой главе какую угодно историю; например, он молодой человек, он умер; вот те из его рукописей, что отдал он в распоряжение нам; остальные его рукописи в руках у его родных и они обещали, разобрав их, отдать нам, или что-нибудь, что угодно — лишь бы облегчить возможность печатания и сохранения тайны».

Роман печатается впервые.

ВЕЧЕРА У КНЯГИНИ СТАРОБЕЛЬСКОЙ

Повесть «Вечера у княгини Старобельской» была написана Н. Г. Чернышевским в декабре 1888 года. Текст повести был отправлен из Астрахани в редакцию «Русской мысли» для печати в три приема — 15, 18 и 20 декабря. Чернышевский спешил подготовить повесть к январской книжке «Русской мысли» за 1889 год. (См. письмо его В. М. Лаврову от 20 декабря 1888 года. «Литературное наследие», т. III, стр. 340.) В письме к В. М. Лаврову 29 декабря 1888 г. Чернышевский отметил небольшой срок, в какой была написана повесть: «...рамка романа создана и целая довольно большая повесть написана — в три недели» («Литературное наследие», т. III, стр. 360).

Текст повести имеется в двух рукописях. Одна рукопись (№ 1000), написанная рукою К. М. Федорова, с многочисленными поправками и вставками самого Н. Г. Чернышевского, содержит в себе лишь ее начало. Рукопись написана на 30 листах большого почтового формата. Листы 2 и 3 писаны самим Н. Г. Чернышевским.

Вторая рукопись (инв. № 1001), содержащая в себе полный текст повести, написана на 140 листах бумаги большого почтового формата рукою секретаря Н. Г. Чернышевского К. М. Федорова, со вставками и поправками самого Чернышевского. Листы 47, 48, 62—67, 96, 125, 127, 133—140 написаны самим Чернышевским. На втором листе рукописи имеется заметка об отправлении части рукописи в печать, помеченная 13 декабря.

Тексты обеих рукописей в пределах общей части (первые 30 листов) совпадают. Очевидно, текст второй рукописи являлся копией выправленного текста первой рукописи. Вторая рукопись является тою самой, которая находилась в редакции «Русской мысли». Об этом свидетельствует заметка на втором листе рукописи об отправлении части рукописи в печать, помеченная 13 декабря. При той же рукописи на листе 141, написанном, повидимому, позднее отправления рукописи в редакцию «Русской мысли», помещено обращение Чернышевского к редакции:

«В «Моем оправдании», в том месте, где Сеттембрини рассказывает о своем возвращении из второй своей поездки в Арль и Марсель (через полгода после того, как провожал в Арль — Дюбелле), есть записка Бриггса с подписью: Джемс Бриггс. Если еще не оттиснут лист, где эта записка, то прошу заменить в подписи имя Джемс именем Альфред. Так что подпись будет Альфред Бриггс. Если же лист оттиснут, то, разумеется, все равно имя Джемс ничего не портит; это мелочь».

О возможности улучшений в тексте рукописи Чернышевский писал В. М. Лаврову в письме 20 декабря 1888 года (о слоге Сеттембрини, о новом лице Джеррольде, об изображении домашнего быта Гастона Форкалькье и пр.). При письме к нему же от 29 декабря 1888 года Чернышевским на особых 4 листках был отправлен перечень поправок, которые просил внести «где находятяся они». Из этих листков первый был утрачен, а текст 2, 3 и 4 листков был опубликован в «Русской мысли», 1911, кн. 2. Приводим сохранившиеся листки полностью.

Вставка вторая. К тому месту, где говорится, что общество перешло из столового салона в салон, приготовленный для слушания сказки Вязовского, и описывается устройство этой аудитории. Там сказано, что перед эстрадой или по бокам эстрады стояли два стола, за которыми сидели стенографы и стенографистки; распределение стенографов и стенографисток на два отдела по двум столам или не обозначено там, или обозначено неудовлетворительно. В моей черновой рукописи это место читается так:

«По сторонам эстрады стояли два стола для стенографов; на эстраде стояло кресло и кабинетный стол.

Вязовский подошел к стенографам, пожал им руки и разговаривал с ними, пока общество выбирало места».

В белой рукописи, вероятно, изменены некоторые выражения цитируемого мною здесь места черновой рукописи; как бы ни были изменены они, все равно те строки белой рукописи, которые по смыслу соответствуют

цитируемому мною месту черновой, должны быть заменены следующими строками:

Между эстрадой и передним полукругом аудитории, несколько правее и левее эстрады, стояли два стола; за тем, который был налево перед эстрадой (если смотреть из середины полукругов к эстраде), сидели шесть стенографов; все шестеро были молодые люди; за другим пять стенографисток и мужчина лет тридцати пяти или несколько больше; он, очевидно, был глава этого общества стенографисток и стенографов.

Вязовский подошел к столу стенографистов и не, обращая внимания на них, низко поклонился девушкам и сидевшему с ними мужчине за другим столом, потом, перестав обращать внимание на тот стол, пожал руки стенографистам и разговаривал с ними, пока» —

И так далее, те слова, какие соответствуют этим в белой рукописи.

Вставка третья. После первого перерыва сказки Вязовского «Мое оправдание», Сеттембрини рассказывает, как он ездил в Арль, как возвратился и как ему привезена была записка от мистера Бриггса. Эта записка кончается подписью мистера Бриггса: в подписи стоит: *Джемс Бриггс*. Личное имя Джемс должно быть заменено другим именем; я, на листке, приложенном к рукописи, говорил, что вместо Джемс должно поставить Альфред; теперь я нашел, что и Альфред не годится: должно поставить Генри, так что подпись будет: *Генри Бриггс*.

Этими переменами и ограничиваются все те изменения, какие надобно сделать в рукописи, с которой производится набор».

31 декабря 1888 года от Чернышевского последовало второе письмо с просьбою о новых поправках: «По окончании чтения сказки Вязовского, подходит к нему князь Серпуховский. В тексте имя Серпуховского Константин Николаевич, отчество, кажется, так? Николаевич? — Но так ли оно, не так ли, как помнится мне, все равно: оно остается какое находится в тексте, а должно быть переименовано личное имя; оно должно быть «Константин», а не Валерий.

Таким образом, полное имя с отчеством должно быть сделано таким: Валерий Николаевич.

Княгиня зовет его одним личным именем — в простой форме; поэтому в ее разговорах с ним вместо «Константин» должно быть поставлено Валерий.

Баронесса, графиня и Глинский зовут Серпуховского уменьшительным именем ласковой формы; она у меня производится от имени «Валерий» не обычным способом (который дает форму «Валенька»), а своеобразным, который дает форму «Леренька»; итак, в разговорах баронессы, графини и Глинского с князем Серпуховским, вместо «Костя» или «Костенька» должно быть поставлено сообразно ласковому окончанию этой формы, должна быть поправлена и форма имени, которую употребляет Серпуховский, обращаясь к Глинскому; я не знаю, правильно ль я вспоминаю личное имя Глинского; мне помнится, оно в тексте «Владимир» и Серпуховский называет Глинского «Володя».

Если действительно Глинского зовут Владимир, то в обращениях Серпуховского к нему вместо «Володя» должно быть поставлено Володенька.

А если его зовут Дмитрий или Григорий, то форма его личного имени в словах Серпуховского, обращенных к нему, будет Митенька и Гришенька.

Имя Глинского, какое б ни было оно в тексте, остается прежним: изменяется лишь форма окончания ласкательного имени, которым называет его Серпуховский.

Жму Ваши руки, господа мои товарищи по прежним моим занятиям. Н. Чернышевский».

В «Русской мысли» повесть не была напечатана. В. Лавров в письме 3 января 1889 года писал Чернышевскому: «К великому моему сожалению, мы никак не можем напечатать Ваш первый рассказ на «Вечерах княгини Старобельской». Вы сами хорошо поймете, насколько мне грустно писать это, и не обратите на меня своего гнева» («Литературное наследие», т. III.

стр. 594). Чернышевский отвечал В. М. Лаврову 10 января 1889 года: «Вам не понравилась моя повесть... Как мог бы я сердиться на Вас за это? Разве вы виноваты в том, что она не понравилась вам? Разве вам хотелось, чтобы она не понравилась вам? Виновата она. Стану я досаждать из-за этого. — Пустое вышло дело, и забудем его. Когда у меня найдется досуг продолжать роман, начало которого имеет название «Вечеров у княгини Старобельской», я попрошу вас переслать обратно мне находящуюся у вас рукопись; но когда это будет, не знаю; вероятно, не скоро. А до той поры, пусть валяется рукопись у вас; все равно валялась бы она и у меня, не нужна пока мне. Если найду досуг кончать роман, то издам его отдельной книгой. Но — работы у меня столько, что не умею определить, когда найдется месяц досуга для труда, более нравящегося мне, чем работа, которой живу» («Литературное наследие», т. III, стр. 372).

Повесть впервые была напечатана в Полном собрании сочинений Н. Г. Чернышевского, т. X, ч. 2, СПб. 1906, стр. 241—321.

В настоящем издании повесть печатается по беловой рукописи, находившейся в редакции «Русской мысли» (№ 1001), с внесением тех поправок, о которых Чернышевский просил редакцию в письмах 29 и 31 декабря 1888 года.

К. М. Федоров в своей книге о Чернышевском сообщал, что повесть «Вечера у княгини Старобельской» была Чернышевским сожжена (К. Н. Федоров «Н. Г. Чернышевский», СПб. 1906). Это не могло относиться к той рукописи, которая находилась в архиве «Русской мысли» и была получена отсюда М. Н. Чернышевским в 1906 году для напечатания в Полном собрании сочинений. Очевидно, сообщение К. М. Федорова относится к дальнейшему продолжению повести.

В замысле Чернышевского и на этот раз имелось в виду создание обширного цикла художественных произведений, объединенных в некоторой общей сюжетной и идейной связи. Сообщая А. Н. Пыпину о своей работе над «Вечерами у княгини Старобельской», Чернышевский в письме 19 декабря 1888 года писал: «Я стал писать для «Русской мысли» начало ряда повестей, вложенных в общую рамку, подобную рамке сказок 1001 ночи». Когда рукопись находилась уже в редакции «Русской мысли», Чернышевский ждал ответа, рассчитывает ли журнал «поместить начало бесконечного ряда повестей», и выражал готовность написать «продолжение» для «следующей книжки». (См. письмо к В. М. Лаврову 29 декабря 1888 года.) Сколько можно судить по проекту, изложенному в том же письме к В. М. Лаврову, Чернышевский предполагал включить в начатый цикл и тот материал, который раньше им предназначался для «Книги Эрато» или для «Академии Лазурных гор».

Сохранилось пять фрагментов из продолжения повести. См. приложения:

а) Отрывок, начинающийся с заглавия: «Первый день жизни Вязовского у княгини Старобельской» (инв. № 998). Рукопись беловая, написана рукою Чернышевского, без всяких поправок, занимает собою два листа большого почтового формата (4 страницы).

б) Отрывок, начинающийся словами: «Сергей Петрович Полянский не был человеком ученым». Рукопись представляет беловой текст, без всяких поправок, занимает собою три страницы двух листов большого почтового формата (последняя страница чистая). Инв. № 999, л. 1 и 2.

в) Отрывок, начинающийся словами: «Вскоре по приезде в Лондон Полянский». Написан рукою Чернышевского, исправлений нет. Характер бумаги, чернил и почерка тот же самый, что и в предшествующем отрывке. Рукопись занимает собою одну страницу большого листа почтового формата (Инв. № 999, л. 3).

г) Отрывок, начинающийся словами: «— Четыре года тому назад». Текст (беловой) занимает собою 1 страницу большого почтового формата. Характер бумаги, чернил и почерка тот же самый (инв. № 999, л. 5).

д) Отрывок, представляющий собою черновой текст, написанный рукою Чернышевского, с поправками, зачеркнутыми словами и строками и с недописанными словами. Занимает собою одну страницу такого же листа, как и предыдущие. Начинается словами: «Он хотел выех(ать) из Л по тк(такому) расчету времени»... (инв. № 999, л. 4).

Первый отрывок по содержанию относится к непосредственному продолжению «Вечеров» после того эпизода, который рассказывается в напечатанной рукописи (№ 1001); Вязовский здесь обдумывает, какие «сказки» он будет рассказывать княгине и ее гостям в следующие четверги.

Отрывки 2, 3, 4 и 5 касаются биографии Полянского, который должен был явиться центральным лицом для всего цикла, представлятельству самого автора, то есть самого Чернышевского. Вязовский, как пояснял Н. Г. Чернышевский, тот же Полянский: «Вязовский, это сам Полянский, преувеличивающий для лучшего комизма свои забавные странности и неуклюжести. А Полянский — это я, Н. Чернышевский? Разумеется» (письмо В. М. Лаврову 20 декабря 1888 г. См. о том же в письме к К. Т. Солдатенкову 26 декабря 1888 года, «Литературное наследие», т. III, стр. 342 и 345).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Замечания к приложениям I—IV даны в комментариях к соответствующим произведениям. В приложении V помещены отрывки из неизвестных произведений. Печатаются по копии, вшитой в одно из дел о Чернышевском департамента государственной политики (Архив революции). Вероятно, эти отрывки были взяты полицией в Вилюйске при обыске, какому подвергся Чернышевский в 1873 году. По упоминанию о Белом зале (в рассказе Левицкого) можно предположить, что отрывки относятся к циклу «Чтений для Белого зала». (См. комментарий к рассказу «Потомок Барбаруссы».) Отрывки были напечатаны в сборнике «Звенья», кн. VI, М.—Л. 1936, стр. 605—609.